

В чем виноваты невинные?

Доклад на научно-практической конференции социологов.

Уважаемые коллеги! Решиться на этот отчаянный шаг – выступить первым на научной конференции социологов меня подтолкнул известный Вам Валерий Андреевич Мансуров, которого я знаю с его 5 или 6 класса. Тогда он был поразительной звездой послевоенного школьного сообщества в Кирове, где мы оба родились. У Валерия был блестящий голос и он сравнивался с Робертино Лоретти, все предсказывали ему артистическую карьеру и самые известные сцены страны. Потом пришла юность, миновали годы, и однажды я читаю его блестящую статью на тему социологии, радуюсь за него и понимаю: у мальчика достало отваги и трезвости принять к сведению, что детский голос, а с ним и проба на популярность, должны остаться в детстве, а взрослость требует иного выбора.

Как писатель, хочу заверить – это превосходный литературный сюжет. Как человек, посвятивший свою жизнь защите детства, утверждаю, что это нередкая история, которая преодолена с разумом и – повторю! – недетской трезвостью в пространстве, где дети с поощрения родительства очень часто силком тащат детей туда, где их не может ждать удача.

Вот это, я полагаю, уже ситуация для обобщения, исчисления, ситуация как для психологии, так и для социологии, не говоря об искусстве.

Это вступление я делаю вовсе не «по случаю», а по той причине, что человеческие, в том числе, детские истории, вовсе не периферийны с точки зрения сути жизни вообще и нашей социальной обстановки в частности. Социология и обобщает-то жизненные обстоятельства, широко используя язык статистики, но это работа специалистов. Я попробую лишь пометить некие знаки, чаще всего, не признаваемые всерьез. Как, к примеру, не принимали всерьез «умственную» обработку подростков на Украине, совершенную чуждыми нам силами, развенчавшими неоспоримую идеологему, что уж украинцы-то – наша безоговорочная родня. Хочу подчеркнуть – на Украине удалось перекомпостировать сознание именно подростков, людей, лишь начинающих жить. А нам, России, так же внятно сформировать

патриотическое сознание нашего отрочества решительно не удастся. Суть, на мой взгляд, в том, что украинским ребятам «назначили» ярко выраженного врага – «москоля», а цель нашего подростка – стремление к благополучию. И если первый тренд, как нетрудно догадаться, соединяет людей против общего для них, пусть и мнимого, ошибочного, врага, то второй, наш, как раз разъединяет, потому что внушает простые и, к сожалению, индивидуалистические истины – добиться цели ни с кем не соединяясь, кроме тех, кто поможет – а это взрослые, их связи и чье-то влияние, включая материальные возможности – добиться цели любой ценой, как можно быстрее пробиться в «люди», заняв ценное и сытое положение в обществе.

И это абсолютно убедительно подтвердили вы, социологи, обнаружив и предъявив власти и обществу, что большинство подростков в России мечтает стать госчиновниками! Как говорится, приехали.

Позвольте завершить это сравнение попыткой понять грядущее противостояние между нынешними подростками Украины и России, которое не замедлит явиться к нам через несколько скорых лет. Я полагаю, что комфортно пристроившаяся российская отроческая элита нашего времени уступит оголтелому псевдопатриотизму и ненавистничеству отрочества Украинского и возможной сшибки не выдержит, сбежав или отступив.

Россию будущих испытаний спасут бедные дети бедных родителей. А вот они-то, как это часто бывает, в расчет почти не принимаются. Правда, сделаю одну оговорку: слава Богу, что новое руководство Минобороны отменило решение предыдущего министра-шута о ликвидации суворовских и нахимовского училища. Но кто-то же поддержал того в этих неблагих намерениях! Может, это вопрос не для исследователей, а для следователей?

В прежние времена такое бы назвали вредительством, а теперь оно никак не квалифицировано! Если же говорить по существу, число суворовских и нахимовских училищ надо увеличить не когда-то, а как можно скорее. И это вовсе не жажда милитаризации, а элементарный здравый смысл. Лет 10 назад, воинским частям разрешалось брать на воспитание мальчишек-сирот, отбившихся от рук. Детский фонд курировал несколько таких судеб. Устроенные в простой солдатской казарме, переодетые и переобутые в военную

форму, ребята менялись на глазах: у них был взрослый наставник вне всякого штата, они ходили в обычную школу, и почти мгновенно «переформировывались» в людей, исполняющих все «правила жизни». Многие шли потом в силовые структуры и таким пацанам надо открыть путь к организованной действительности, образцом которой может быть армия.

Разумеется, этот пример касаем немногих. Сотни же тысяч ребят, миллионы, сегодня освобождены от простого понятия патриотизм. Да это и понятно. Индивидуализм не соединяет, а разводит. Актуальны в отроческой среде (неформальной, конечно) вопросы: а кого защищать? А почему должен это делать я, а не он? А почему он рванет с родителями за речку, а я должен приносить в жертву свою жизнь?

При этом Герой России, полковник спецназа Вячеслав Алексеевич Бочаров, мой заместитель в Российском детском фонде на волонтерских началах, офицер, шедший на смерть в Бесланской школе, получивший тяжелейшее ранение при спасении детства, обратился только что, в эти, сегодняшние дни к ряду столичных библиотек с вопросом: а давно ли мы получали «Молодую гвардию», «Повесть о настоящем человеке», «Александра Матросова» – ведь грядет 70-летие Победы. Ему ответили: последние поступления этих названий помечены 1988 годом. Я предлагал срочно выпустить по комплекту из 10 книг этой, проверенной поколениями, патриотики, разослав из центра посылки всем школам России. Не просто разослать, организовать прочтение, пробудить в новых поколениях интерес и простое знание собственной истории. Поддержан не был со ссылкой, что это, дескать, дело местных бюджетов. Но воспитание патриотизма, сиротства, туберкулез (несравнимые, вроде, понятия) не могут быть региональными. У них общенациональные признаки!

Еще одну попытку оценить состояние мозгов наших ребят провела Российская государственная детская библиотека (РДГБ) и Московский институт открытого образования у московских детей 5-8 классов.

51% признались, что любят читать, но нет времени, 13% – не представляют себе жизни без книг. Подавляющее большинство читающих любят фантастику (56%), приключения (50%), юмор (44%) и фэнтези (38%), стихи выбрали (15%) опрошенных, русскую классику (по программе) – 14%. Из круга чтения исчезли «золотая

полка» – утвердившаяся классика отечественной и зарубежной детской литературы.

Добавлю: за последние 10 лет закрыто не менее 400 специализированных детских библиотек. Фонды оставшихся не обновляются годами. Денег на книги для детей у сытого государства не находится, умирает периодика для детей и юношества, сокращаются тиражи книг и журналов, цены на них, благодаря целым – не цепочкам, а цепям посредников – становятся недоступными семьям. Самим детям они недоступны давно. Дети разучились покупать книжки в книжных магазинах за свои карманные деньги. Книга становится дорогостоящим подарком добрых родственников.

И все это на фоне трансформации образования, потерявшей уже всякий здравый смысл.

Новым знаком преданности стала любая, даже бессмысленная демонстрация антисоветизма, но я спокойно и без натяжек рисую сцену из советских времен. Тогда, в большой державе, было около 300 миллионов жителей. Отнесем треть этой цифры на младенцев, больных, далеко живущих. Но произнеси-ка остальным – а это 200 миллионов, не меньше – «Скажи-ка дядя, ведь недаром?» – И тебе сразу ответят, не задумываясь – «Москва, спаленная пожаром, французу отдана» – и далее, по тексту. Вот я и полагаю, 200 миллионов знавших наизусть стихотворение Лермонтова «Бородино» в те времена – являли собой некое доказательство единства, достоинства и патриотизма, которое мы утратили. Нынче, в дни празднования 200-летнего юбилея этого необыкновенного гения мы не можем гордиться столь знаковым знанием «Бородина». Да и, кажется, «На смерть поэта» подзабыто и подзаброшено. Неужто, по причине тамошней строки: «А вы, стоящие у трона?»

Словом, школа старых лет, пусть и с некоторым усилием, что неизбежно при всяком преодолении самых простых детских трудностей, развивая детскую память, требовала знать самые великие стихотворения наизусть. Одна простая отмена этого правила приводит – и привела – молодой мир к состоянию, не помнящему родства. Отсутствие единства – ведет к развалу общества. Бессистемность культурного развития – к темноте и бесчувствию. Бесцельность жизни – стала ее угнетающей массовой нормой.

Смею утверждать, что ЕГЭ развратил не только системность знания, но и мир учительства – одно из самых священных национальных достоинств. Школа превращена в магазин, торгующий образовательными услугами. Скандалы о торговле вузовскими дипломами дискредитируют высшее образование в своих основах. Ликвидация системы профтехобразования привела к производственно-профессиональной катастрофе при ликвидации станкостроения, авиапрома и других отраслей. Даже оборонпром, выполняющий самые актуальные заказы, испытывают голод в молодых и образованных рабочих.

Хочу спросить, почему при сочувственных телесюжетах про польские яблоки, ничего не говорится про запущенные яблочные сады вдоль дорог, ведущих к российскому югу? В каком положении выпускники института имени Мичурина? Какой на них спрос и где?

Вы можете подумать, какое это отношение имеет к детству? На мой взгляд – самое прямое. Страна погрязла в тотальном импорте – при экспорте, который, оказывается, с усилиями закадычных врагов, можно понудить к сокращению, отступлениям, а страну и ее людей заковать санкциями.

Все последние десятилетия я говорил и сокрушался на отсутствие прогностики – умения всесторонне видеть и просчитывать как ближайшее, так и отдаленное будущее. Когда-то этим частично занимался Госплан и его структуры, в том числе особые. Его оболгали и предпочли ему хаос. Теперь мы хлебаем отсутствие прогностики и присутствие хаоса.

Не посягая на глобальные темы, не могу не высказать несколько горьких предупреждений:

- надо прекратить закрытие государственных детских домов и школ-интернатов – они не просто могут пригодиться. Они нужны и сейчас, по той причине, что приемные семьи – при всем уважении ко многим из них, – но не вообще, а сугубо персонифицировано – часто отказываются от детей. С которыми они – по разным причинам – не справляются. Этим детей надо вернуть в коллектив, а не в другую семью. Возвращение в детдом и интернат, разумеется, качественные по организации снижает дискомфорт и психологические издержки, которые, порой, равны цене жизни;

- детские дома и школы-интернаты ещё есть но их оптимизация не доведет до добра вообще, они должны составить

своеобразный госрезерв для различных, конечно, детских нужд; разве нынешний приток беженцев с детьми не «тонкий намек на толстые обстоятельства»?

- надо немедленно воссоздать государственные «рабочие» – лицеи, колледжи, назовите как хотите, в общем, бывшие ПТУ, которые могут дать рабочую профессию и направление на работу не в торговлю детям из социально неустроенных семей или детей, выбирающих скорый путь к своей социализации.

- надо принять все возможные меры для ликвидации жесткого обращения с детьми. В год насилию подвергается от 100 до 200 тысяч детей, из них 1-2 тысячи ребят погибают. Этот «тренд» существует не малые годы и он свидетельствует об ожесточенности взрослых, которые вчера сами были детьми. Эта статистика не может не угнетать. Давно нужно вернуть публичную озабоченность этим ожесточением, но результат имеем прямо противоположный. У нас инфоканалы забиты историями, как у русской мамы, не получившей гражданства за рубежом, вдруг, без причины, отнимают ребенка, но я не видел ни одного сюжета, где судят русского за беспричинные убийство русского ребенка.

- надо вернуть ответственность семьи и школы за детские суициды. Статистики посвежее не имею, но с 2007 по 2011 год покончили жизнь самоубийством 14.157 детей. Вот какой памятник о себе оставляет нынешняя действительность! Причинность здесь неоднозначная. Я попытался художественными средствами исследовать одну такую историю несчастного подростка из Сибири. И отец, и мать – опустившиеся, в чёрную пьющие люди. Даже когда мальчик повесился, они не протрезвели, уходя с кладбища мать заявила: «Еще нарожаем». В семье было шестеро ребятшек, всю ответственность за которых нес подросток. И вот он не вынес такой жизни. Можно отмахнуться: частный случай. Ничего подобного. Плохо дома, плохо в школе, плохо в среде сверстников – бесцельность, бессмысленность жизни становится очевидной слишком рано.

- не верю я и в то, что смягчение законодательства о наказании подростков за преступления, в том числе, тяжкие, как и сокращение колоний для несовершеннолетних, принесло пользу законопослушанию отрочества;

- мимикрировало и беспризорничество; оно теперь одето не нищенски, сейчас на любой помойке можно прилично одеться, но

семейный раздрай, семейная неполнота остается бичом для ребят, не всегда видимым, но жестоким. Совершенно не случайна и пропажа детей, не убывающая, к сожалению. Ну, да теперь что и отвечает-то за исчезновение ребенка? Школа? Увы! Органы, как их называли прежде? У них свои, часто, неторопливые, мерки. Граждане? Да теперь почти всем на всё наплевать.

Можно много печального сказать о тотальных переменах по отношению к детству. Обидно, что сплошь да рядом негатив иницируется государством, тьмой чиновнической и депутатской – не слишком ли много у нас «говорителей» – как спрашивал Юрий Герман ещё в книге и фильме «Дорогой мой человек». И добавлял: «делателей» мало.

Кто как не «говорители» отменили закон, по которому сироты не имеют преимущества при поступлении в вузы – аж Президенту страны пришлось его отменять. А школьные медали кому помешали? А этот проклятуший ЕГЭ? Какая беда должна случиться еще, чтобы, наконец, спохватились: во имя чего лучшее образование в мире и русский учитель, выигравший войну – по признанию, кажется, Рузвельта – отвергнуты и унижены, так называемыми «инноваторами». Да что стоит одна только образовательная и культурная оптимизация, которая катится по стране, точно вал, отвергая истину, что неустроенным детям нужны книги и места, где можно поучить уроки, что станции юных техников и натуралистов воспитывали генеральных конструкторов атомных станций и космических кораблей, что простое внимание и доброжелательность людей к детям выхолащивается быстро, а возвращается тяжело!

Дорогие социологи! Полагаю, что вы, люди, первыми подводящие итоги не только благим переменам, но и переменам не благим, равнодушны к предмету и целям своих исследований.

А цель эта – государство, экономика, люди. И – в данном случае – дети!

Не могу представить, чтобы правдивое свидетельство их положения, не вызывало сострадания к малым сим!